

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ордена Дружбы народов
Институт мировой литературы им. А. М. Горького

На правах рукописи

УДК 82=945. 41+882: 809. 1

СОЙНИ Елена Григорьевна

ПРОБЛЕМЫ ФИНСКОГО НЕОРОМАНТИЗМА И
ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н. К. РЕРИХА
(вопросы финско-русских литературных связей)

Специальность: 10. 01. 05

Литература стран Западной Европы, Америки и Австралии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва - 1983

Работа выполнена в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР

Научный руководитель - доктор филологических наук
КАРХУ Э.Г.

Официальные оппоненты - доктор филологических наук
ХРАПОВИЦКАЯ Г.Н.
кандидат филологических наук
НЕБОЛЬСИН С.А.

Ведущая организация - кафедра финского языка и литературы
Петрозаводского государственного университета
им. О.В.Куусинена

Защита состоится 16 июня 1983 года

на заседании специализированного совета ДОО2.44.03
по филологическим наукам при ордена Дружбы народов
Институте мировой литературы им. А.М.Горького.
Москва, ул. Воровского, 25 а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Института мировой литературы

Автореферат разослан 11 мая 1983 года

Ученый секретарь
специализированного совета

КУДЕЛИН А.Б.

113783к

БИБЛИОТЕКА
Карельского филиала
Академии наук СССР

Актуальность проблемы. В диссертации исследуются финско-русские литературные связи конца XIX – начала XX века. Впервые рассматривается одно из важных направлений финской культуры этого времени – финский неоромантизм – в соотношении с явлениями русской культуры. В работе особое внимание уделяется историко-типологическим связям финских неоромантиков с Н.К.Рерихом – писателем, жившим в Финляндии, знавшим финскую культуру. Изучение этих вопросов позволяет яснее представить историю давних финско-русских литературных взаимоотношений, доказывает, что литературы соседних стран не были национально изолированы.

Выбор темы. Из финского неоромантизма вышли выдающиеся деятели культуры Финляндии. Это направление сыграло важную роль в становлении финской национальной культуры. Сами неоромантики осознавали связь своего творчества с общеевропейскими и русскими литературными традициями. О необходимости исследований взаимоотношений финского неоромантизма с синхронными явлениями русской культуры писалось не раз как финскими, так и советскими литературоведами. Однако эти взаимоотношения не были предметом специального исследования. Финляндский период Н.К.Рериха, переломный и во многом определивший его судьбу, также не был изучен.

Цель исследования – дать сопоставительный анализ литературно-эстетических взглядов финских неоромантиков и русских символистов, раскрывая как общее, так и национально-специфическое в этих направлениях, выявить, что связывало произведения крупнейшего поэта-неоромантика Эно Лайно с литературным творчеством Николая Рериха, показать, что дала Финляндия Рериху в литературном отношении.

Новизна исследования. В диссертации впервые делается попытка проанализировать некоторые проблемы финского неоромантизма в соотношении с эстетикой, мировоззрением русских символистов и литературно-эстетическим наследием Н.К.Рериха. Впервые на документальной основе исследуются финские эпизоды биографии Рериха, переписка с ним финских деятелей культуры, статьи о нем в финской печати и все, написанное им о Финляндии. Многие материалы найдены в советских и зарубежных архивах.

Методологическая и теоретическая основа исследования — наследие классиков марксизма-ленинизма, историко-материалистический подход к проблемам мировоззрения, научные принципы советской школы компаративистики, выводы современной теории и истории литературы.

Практическое значение. Материалы и результаты данного исследования могут быть полезны при написании обобщающих трудов по истории литературных связей Западной Европы и России, в педагогической работе при создании курсов лекций по финляндской литературе на финно-угорских отделениях университетов. Диссертация может быть практически использована также при подготовке книг о жизни и творчестве Н.К.Рериха.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены в докладах на УП Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии (Петрозаводск, 1979 г.), на финско-советском симпозиуме по прибалтийско-финской филологии (Ювяскяля, Финляндия, 1982 г.), в статье "Nicolai Roerich ja Suomi". — Punalipru, 1980, № 10 (Николай Рерих и Финляндия; на финском языке), а также в ряде других публикаций.

Структура работы. Диссертация состоит из прединтродукции, введения, трех основных глав и заключения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определяется предмет исследования, дается история изучения финского неоромантизма, финско-русских литературных связей.

Еще трудами А.Н.Веселовского русская филологическая наука обогатила сравнительный метод исследования литературы историзмом. В марксистском литературоведении историзм остается основополагающим принципом, но он наделен новыми чертами: "более глубоким проникновением в конкретно-историческое содержание сравниваемых явлений"^I, в общие и частные

^I Неупокоева И.Г. Некоторые вопросы изучения взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур. — В кн.: Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур. Материалы дискуссии 11–15 января 1960 г. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 19.

закономерности искусства. Марксистское литературоведение выделяет два основных типа литературных связей: контактные (основанные на непосредственных литературных и культурных контактах) и типологические (обусловленные сходством литературных процессов и общественного развития народов).

Связи финских неоромантиков и Рериха-писателя были и контактными, и типологическими, наша задача их исследовать, выявить, что объединяло финских литераторов с русской литературной традицией, что, в свою очередь, дала Рериху Финляндию.

На рубеже веков, несмотря на ужесточение в Финляндии царского режима, в развитии давних финско-русских культурных связей начался новый знаменательный этап. К этому времени финское искусство и литература уже имели мировое признание: архитектор Сааринен, композитор Сибелиус, художник Галлен-Каллела, литераторы: Рунеберг, Киви.

Назревание революционной ситуации, ожидание крутых переломов в развитии страны коренным образом повлияли на мировосприятие писателей Финляндии. Перед ними заново встали вопросы о путях истории, о назначении человека, о смысле бытия. Особенно остро эти вопросы звучали в творчестве писателей неоромантиков: Э.Лейно (1878-1926), Л.Онерва (1882-1972), В.Килли (1874-1939), И.Линнанкоски (1869-1913), Ларин-Кюэсти (1873-1948). Неоромантическое направление на рубеже веков получает распространение в литературе и музыке, живописи и архитектуре. Период неоромантизма был переходным и кратким (середина 1890-х - середина 1900 гг.), но из среды неоромантиков вышли те, чьи имена считаются сейчас первыми по своей значимости в финской культуре: поэт Э.Лейно, композитор Я.Сибелиус, художник А.Галлен-Каллела.

Р.Коскимиес, обобщая исследования 30-х - 50-х гг., называет главной заслугой неоромантизма обращение к миру калевальских песен, "которые вдохновили на новый стиль, а это было требованием времени, отвечающим старым коренным национальным интересам"². Другой финский исследователь, О.Хормиа,

² Koskimies R. Suomalainen neoromantiikka. - In: Koskimies R. Suomen kirjallisuus, IV. - Helsinki: Otava, 1965, s.291.

считает, что в творчестве неоромантиков "ритмы неожиданно освободились от академизма" ³. Хормиа признает влияние на неоромантиков фольклора, но наиболее важным фактором в становлении их таланта считает эстетическое отношение к жизни и творчеству. А.Сараяс в работе "Последние романтики" polemизирует с такой точкой зрения. Идеи писателей-неоромантиков, утверждает она, "родились в страстной языковой и национальной борьбе" ⁴. Ориентацию на народность, взаимопроникновение искусств ставит в заслугу неоромантикам К.Лайтинен ⁵. М.-Л.Куннас добавляет к этому психологическое изображение человека. Сам переход от реализма к неоромантизму, по мнению исследовательницы, "обозначил психологизацию литературы" ⁶. Новые импульсы к созданию психологических произведений, считает она, неоромантики получили от скандинавской и русской литературы.

В работе советского исследователя Э.Г.Карху проанализировано взаимоотношение финского неоромантизма с другими литературными направлениями Финляндии, исследовано влияние философии Ницше на финских литераторов рубежа веков. По мнению Э.Г.Карху, для финских неоромантиков было особенно характерно "чувство кризисности мира, вызванное начавшимся общим кризисом капитализма и назреванием в Финляндии революционной ситуации" ⁷.

³ Hормиа О. Suomalaisen lyriikan peonirytmit. - Helsinki: SKS, 1960, s. 7.

⁴ Sarajas A. Viimeiset romantikot. - Helsinki: WSOY, 1962, s. 99.

⁵ Laitinen K. Vuosisadanvaihteen Suomi. - Finskt 1900, Stockholm: Nationalmuseum, 1971, s. 6.

⁶ Kunnas M.-L. Mielikuvien taistelu. - Helsinki: SKS, 1972, s. 46.

⁷ Карху Э.Г. Очерки финской литературы начала XX века. - Л.: Наука, 1972, с. 155.

В последние годы как в советском, так и в финляндском литературоведении началось изучение финско-русских и русско-финских литературных связей. Взаимотношениям двух литератур XIX века посвятил двухтомное исследование Э.Г.Карху⁸. В Финляндии наиболее значительные работы о связях принадлежат А.Сараас⁹. Исследовательница освещает отношение финского и русского реализма, пишет о влиянии Достоевского на финскую литературу. Сравнительный анализ произведений писателей - неоромантиков Й.Лехтонена, Л.Онерва с творчеством русских литераторов рубежа веков позволяет ей увидеть некоторые общие черты в эстетике финского неоромантизма и русского символизма. Изучение общего и специфичного в этих направлениях, по мнению Сараас, требует специальных исследований. М.-Л.Куннас уделила внимание в своей монографии отношению Э.Лейно к русской литературе в целом. Русских писателей Лейно считал большими мастерами духовного, психологического анализа, был очарован обаянием Горького и Л.Андреева. Отношению русских символистов к Финляндии посвятил исследование И.Песонен. Он изучил поездки Соловьева, Блока, Брюсова в Финляндию, их переводы финской литературы, впечатления от Финляндии в их поэзии¹⁰. Появление работ о финско-русских литературных связях позволяет судить о возрастающем интересе к теме и в СССР, и в Финляндии. Но многое остается неизученным; так, об историко-типологических отношениях финского неоромантизма с явлениями русской культуры писалось лишь мимоходом. Изучение этих отношений представляет интерес, и диссертация - конкретный опыт в этом направлении.

В пристальном внимании финского неоромантизма к древности, в стремлении понять вечные проблемы, в отвлеченности

⁸ Карху Э.Г. Финляндская литература и Россия. - 1800 - 1850. - Таллин: Эстиздат, 1962. - 343 с. - 1850-1900. М.-Л.: Наука, 1964. - 280 с.

⁹ Saraajas A. Tunnuskuvia. - Helsinki: WSOY, 1958.

¹⁰ Pesonen P. Vornätkiset symbolistit ja Suomi. - Kirjallisuudentutkijain Seuran vuosikirja, 1977, n:o 30, s.1-16.

идеала уже можно почувствовать общее с русским символизмом. Много созвучного с идеями финских неоромантиков было и в литературном творчестве Н.Рериха финляндского периода.

В Финляндии Рерих провел весну, лето 1907 года, два года с декабря 1916 по март 1919. Многие в его творчестве связано с Финляндией: почти все стихи, повесть "Шлаги", пьеса "Милосердие", сказки, ряд статей, около двухсот произведений живописи.

До самого последнего времени литературоведческие работы о прозе и поэзии Рериха практически отсутствовали, но в той или иной степени критическая литература касалась рериховской писательской деятельности (С. Эрнст, А. Ростиславов, Вс.Н. Иванов, Н. Великов, В. Полякова) ^{II}. В.М. Сидоров прав в том, что поэзию Рериха нельзя воспринимать как комментарий к его картинам, у нее своя ценность. Указывая на индийскую ориентацию рериховского литературного творчества, исследователи тем не менее отмечали влияние Севера на раннего Рериха. Однако связь Рериха с русским Севером, Финляндией, Скандинавией, хотя и была обозначена, оставалась неизученной.

Финляндская тема в творчестве Рериха не была определяющей, но и не была мимолетной. Финляндия, осмысленная Рерихом творчески, дала ему те импульсы и вдохновение, благодаря которым появились многие из его шедевров как живописного, так и литературного творчества.

В первой главе дается анализ некоторых черт финского неоромантизма в сопоставлении с явлениями русской культуры: эстетикой "мигаллих" символистов и литературным наследием Н.К.Рериха.

Финский неоромантизм и русский символизм — направления одной эпохи, одного типа культуры. Эти направления по-своему

^{II} Сидоров В.М. На вершинах. — М.: Советская Россия, 1977. — 175 с.; Эрнст С. Н.К.Рерих. — Пг.: Изд. общины Св.Евгения, 1918, с.3; Иванов В.С. Рерих художник, мыслитель. — Рига: Угунс, 1937, с. 51; Великов П. Д., Книзена В.П. Рерих. — М.: Молодая гвардия, 1972. — 256 с.; Полякова В.М. Николай Рерих. — М.: Искусство, 1973. — 303 с.

отразили историческое своеобразие эпохи. Как известно, рубеж веков и в России, и в Финляндии был временем больших перемен, преддверием революционных событий. Однако финский неоромантизм и русский символизм не повторяли друг друга, и внутри каждого из них были свои противоречия.

В произведениях финских неоромантиков отразилась историческая молодость финского народа. Как явление более молодой культуры, финский неоромантизм не успел за время своего недолгого существования превратиться в чисто элитарное искусство. Финский неоромантизм был теснее связан с почвой народной жизни. Герои неоромантиков — это люди из крестьян, народ. Русские символисты также интересовались народной эстетикой, народным характером, но они чувствовали себя отдаленными от народа на несравнимо большее расстояние, чем неоромантики. В финском неоромантизме было много разных и даже противоположных черт, но все они объединялись ориентацией на народность, поиском вечных истин в фольклоре. Фольклорные образы впечатляли неоромантиков своей монументальностью. Героями стихотворений Лейно, Ларин-Кюэсти становились персонажи Калевалы: Куллерво, Лемминкяйнен, Вяйнямейнен и простые крестьяне, которые однако, под стать героям древних сказаний. Таковы Уртти из баллады Ларин-Кюэсти "Месть в лесу" и Илерия из баллады Лейно "Илерия". Эти герои показаны в борьбе — один за торжество мятежного духа, другой за торжество справедливости. Фольклорные герои отвечали в какой-то степени мечте неоромантиков о новом человеке.

Как финским неоромантикам, так и русским символистам — "словесцам" было свойственно обращение к древним культурам. Вяч. Иванов считал, что "творчество поэта — и поэта-символиста по преимуществу — можно назвать бессознательным погружением в стихию фольклора".¹² У древних народов, с их синкретичным сознанием можно было найти, полагали "словесец", личность, нераздельную с природой, "осуществленный" синтез. Но стремление символистов к народности все же носило абстрактный, теоретический характер. У финских неоромантиков

¹² Иванов Вяч. По звездам: Статьи и афоризмы. — СПб: Ори, 1909, с. 40.

интерес был не только к народу в целом, но и к конкретным людям из народа, к крестьянам с их земными проблемами, у русских символистов интерес к народу отодвинул "на задний план интерес к человеку из народа" ¹³.

Главной чертой рериховского литературного сознания также была идеализация глубокой древности. Проецируя в древность универсальный гуманистический идеал, Рерих обращался к искусству первобытных народов: "Цельны движения древнего; строго целесообразны его думы; остро чувство меры и стремления к украшению" ¹⁴. В фольклорных произведениях разных народов Рериху видится "таинственная основа" каменного века. Обращение к народной эстетике приводит Рериха к мысли об анонимности творчества. Знание фольклора помогает ему создать образ героя, похожего на эпического богатыря. Это Лют из сказки "Лют-великан". В основе сюжета "Люта-великана" лежит северная легенда о происхождении названия "Лютто озеро". Для Рериха важно показать не то, как возникло название (о нем он говорит вскользь), а доброту и одиночество легендарного героя. Финские неоромантики жаждали в современном им народе увидеть след древней культуры, Рерих искусство древнего человека постигал в памятниках архитектуры, в красоте фресок, в народных легендах.

Отношение финских неоромантиков к фольклору было больше эстетическое, чем какое-либо другое. В языческой древности они видели прежде всего красоту. Отражение красоты в искусстве они ставили в заслугу собственному направлению. Свойствами искателя-неоромантика, по мнению Лейно, являются "поиск прекрасных чувств", "языческая вера в красоту" ¹⁵. Но

¹³ Мянц З.Г. Блок и русский символизм. — В кн.: Александр Блок: Новые материалы и исследования: в 4 кн. — М.: Наука, 1980, кн. I, с. 133.

¹⁴ Рерих Н.К. Радость искусству. — Собр. соч. — М.: Изд-во И.Д.Сытина, 1914, кн. I, с. 137.

¹⁵ Leino E. Suomalaisen kirjallisuuden historia. — Kootut teokset, XIV. — Helsinki: Otava, 1929, s. 397.

известная мысль Ницше, что "существование мира может быть оправдано лишь как эстетический феномен"¹⁶, не удовлетворяла финских неоромантиков. Понятие красоты было неотделимо у них от понятия человеческого счастья. Красота, эстетизирующая трагизм, была чужда их гуманистическому идеалу. В окружающей действительности вряд ли можно было ожидать воплощения подлинной, неоромантической красоты. Её поиск опять-таки уе дил финских неоромантиков в народную эстетику.

Для русских символистов красота - глубинный смысл мироздания. Без красоты невозможна истина, поскольку истина - "синтез добра и красоты"¹⁷. Сама идея добра тоже раскрывается через красоту. А красота являет себя в образе Софии-премудрости, в облике Прекрасной Дамы, в мировой душе. В неоднозначном понимании красоты символисты сходились с финскими неоромантиками. У тех и у других понятие красоты связывалось с понятиями истины, добра, веры. Но опять-таки неоромантики осознавали красоту в более реальных категориях: через человеческое счастье. Одна из центральных идей символизма, идея Вечной Женственности, была финскому неоромантизму незнакома.

Историю древних народов Рерих также воспринимал с точки зрения красоты. Для него красота неразрывна с искусством. Вся история человечества осмысливается им через искусство. Например, эпоху палеолита Рерих характеризует как вступление человека в искусство. Позже, в 20-е годы Рерих писал: "Лишь в красоте заключена победа"¹⁸.

Хотя с именами Э.Лейно, В.Кичи в финскую культуру пришли понятия "трагизм бытия", "трагический оптимизм", тем не менее неоромантики оставались жизнерадостными, они не были подвластны сильному пессимизму, глубокой мистике. Даже Вол-

¹⁶ Ницше Ф. Рождение трагедии.- Собр.соч., т.1.- М.: Московское книгоиздательство, 1912, с.38.

¹⁷ Блок А. Дневники.-Собр.соч.: в 8 т., т.7.-М.: ГИИЛ, 1963, с.51.

¹⁸ Рерих Н.К. Пути благословения.- Рига: Алтас, 1924, с.81.

тер Келли, эстетизирующий в своих произведениях трагизм одиночества, воздал дань радости в сборнике "О человеке и жизни" ("Ihmisestä ja elämästä"). Оптимизм неоромантиков был связан с утверждением нового человека прекрасных чувств и благородных устремлений. И хотя отношение к человеку у неоромантиков менялось, вера в человека и человечность не исчезала никогда. "Забудь себя! Чистого гуманизма, сверхгуманизма!"¹⁹ требовал Й. Линнанкоски и считал веру в назначение человека основополагающим жизненным принципом.

Подобное мировосприятие было характерно и для Рериха. Развивая теорию "доброго глаза", он писал: "Учиться радости, учиться видеть лишь доброе и красивое! ... Отойдет ликование злости. И у нас откроется глаз добрый"²⁰. Символизму известный оптимизм, категория радости были мало свойственны.

Отличительной идеологической особенностью финского неоромантизма было отношение к проблеме познания. Интуитивный путь познания воспринимался неоромантиками как высший по сравнению с логическим. Именно высшее интуитивное познание, на их взгляд, позволяло проникать в суть бытия. Такое познание, считали они, осуществимо только через искусство. "Что, что, а это время вызвало пренебрежение к познанию внешней действительности и заставило людей уйти в себя... - писал Лейно. - Для многих финских писателей познание было возможным только в искусстве"²¹. Интуицию, поэтическую страсть Й. Линнанкоски считал главными моментами творчества. "Из внешнего мира надо брать только то, что необходимо для внутреннего", - писал он. Афоризмы из "Малого катехизиса" (Vähäkatkismus) Линнанкоски звучали призывом: "Воспринимай злобу сердцем! ... Жизнь бессмертна только в искусстве"²². Однако недооценка логического пути познания не ув-

¹⁹ Linnankoski J. Vähäkatkismus. - Koostut teokset, III. Helsinki: Otava, 1952, s. 659.

²⁰ Рерих Н.К. Глаз добрый. - Собр. соч., кн. I, с. 266-269.

²¹ Leino E. Suomalaisen kirjallisuuden historia, s. 398.

²² Linnankoski J. Vähäkatkismus, s. 657-659.

дила неоромантиков в мистику.

"Младшие" символисты, как и финские неоромантики, переоценивали роль искусства в отношении к проблеме познания. "Познание предопределено творчеством"²³, — считал А. Белый. Отрицание важности логического пути познания обусловило интерес символистов ко всему неземному. Если и можно познать мир, находящийся "за пределами видимости", то через искусство, ибо "искусство — есть гениальное познание"²⁴. А. Белым и Вяч. Ивановым делались попытки соединить, вернее, подчинить логический метод познания интуитивному. На этом основана теория "исхождения" у Вяч. Иванова.

Рерих, когда создавал повесть "Пламя", придавал также большое значение интуиции в художественной культуре. Он утверждал в "Пламени": "Мощь искусства в его... стихийности, в его благой интуиции. Интуиция открывает подлинную радость духа"²⁵. Позже он стал осознавать неразрывную связь рационального и интуитивного, логики и эмоций и писал об этом в своих статьях.

Одной из центральных проблем неоромантической эстетики была проблема синтеза. Под синтезом финские неоромантики понимали большое обобщение, целостное восприятие личностью себя и окружающего мира. В неоромантической трактовке синтеза имело место объединение понятий земного и небесного, рационального и иррационального. Но все же синтез неоромантиков сводился не к этому, а к "вере в цельность, к вере в назначение человека"²⁶. Именно слово "цельность" — ключ к пониманию синтеза финскими неоромантиками.

Русскими символистами идея синтеза была заимствована

²³ Белый А. Символизм. Книга статей. — М.: Мусагет, 1910, с. 211.

²⁴ Белый А. Арабески. — М.: Мусагет, 1911, с. 225.

²⁵ Рерих Н.К. Пламя. — В кн. Рерих Н.К. Избранное. — М.: Советская Россия, 1979, с. 58.

²⁶ Linnankoski J. Op. cit., s. 657.

из философии Вл. Соловьева. Их синтез распространялся на рациональное и иррациональное, философию и мистику, искусство и религию, землю и небо, микрокосм и макрокосм, человека и бога. Сам символизм А.Белый определял как "метод, соединяющий вечное с его пространственными и временными проявлениями"²⁷. В отличие от финских неоромантиков А.Белый, Вяч. Иванов, Ф.Сологуб. А.Блок периода "Прекрасной Дамы" понимали синтез прежде всего как единство материального (земного) и духовного (небесного). Такой синтез, как заметил И.Громов, "не столько возникает у нас на глазах, сколько задан"²⁸.

Для Рериха синтез - это единство народов, единство науки и искусства, единство жанров. "Мечта о единстве. Она так же далека, как всемирная мечта о "золотом веке", - писал он. - Но она так же жизнеспособна, ибо она повторяет лучшую мечту человечества"²⁹.

При некоторых различиях в понимании единства финские неоромантики и Рерих сходились в убеждения, что первая ступень к синтезу, всеединству - народность. И подобно тому, как Рерих находил идеал синтетического мира в народном творчестве, финские неоромантики видели в фольклорных образах большие обобщения и цельность характеров.

В творчестве неоромантиков с новой силой зазвучали "вечные" темы: личности и общества, искусства и жизни. Наряду с желанием возвыситься над обществом у героев их произведений жила мечта слиться с обществом. В ряде стихотворений Онервы ("Отшельник", "Одиночество в тундре") герой, уйдя от людей, поначалу чувствует себя счастливым. Но понимая, что все его творчество - пустая мечта, если он один пожинает плоды своего труда, решает вернуться к людям. Хотя Онерва и

²⁷ Белый А. Арабески, с. II.

²⁸ Громов П.П. А.Блок, его предшественники и современники. - М.-Л.: Советский писатель, 1966, с. 77.

²⁹ Рерих Н.К. Единство, 1917, с.3. Рукопись. Архив Г.Рудзите. Рига.

вселяет в героя желание быть таким, как все, она возвращает его к людям возвышенным над ними. Слияния неоромантического героя с обществом не происходит. В сказке Э.Лейно "Окунь и золотые рыбки" сын короля, расставшись с людьми, превратившись в окуня, считает, что ни в чем не проиграл, ведь люди так плохи. Но полюбив земную женщину, он вновь хочет обрести человеческий облик, это ему не удается.

Символистскому герою-индивидуалисту также присуще стремление найти выход из своего одиночества (А.Блок, А.Белый; героиня драмы Ф.Сологуба "Любовь над безднами" спускается с гор к людям). То же характерно и для героя рериховской повести "Пламя". Сгорели копии картин, художник выставил оригиналы, но в подлинность оригиналов никто не верит. От недоверия, пламени гнева художник уединяется на далеком острове. С одной стороны, он обижен на людей, но, с другой, факт, что его возмущает непонимание толпы, говорит о том, что ему нужно признание. Он хочет с кем-то поделиться своим горем, спешит написать письмо на берег, к людям.

Одинаковым подходом к народной культуре, к идеям красоты, синтеза, к проблеме познания финские неоромантики, русские символисты, Рерих выражали общее настроение времени, переходной, предреволюционной эпохи.

Во второй главе диссертации исследуется типологическое соотношение поэтического и драматургического творчества Э.Лейно и Н.Рериха. Прямых свидетельств о знакомстве Лейно и Рериха нет. Но можно предполагать, что они знали друг о друге и, быть может, встречались. Оба дружили с Горьким, переписывались с А.Галлеи-Каллела. Лейно и Рериха сближали общие друзья, общие эстетические концепции, общая неудовлетворенность временем. Они создавали в одну эпоху, творчески восприняли эстетику символизма, оба остались навсегда верными гуманизму.

Обладание новым зорь связывалось Лейно и Рерихом с образом нового героя. Героический идеал они проецировали в прошлое через будущее, тем самым сближая отдаленные эпохи и освобождая своего героя от реальных исторических связей. Такой герой должен был быть свободным, сильным, гордым, напоминая

шим фольклорных персонажей. У Лейно это Коута, Илерми, Вайямейнен, у Рериха — Гринар-вiking, Лют-великан, Гайатри. Но Лейно и Рерих наделили своих героев и чертами индивидуализма, не характерными для эпических богатырей.

К 1896 году относится стихотворение Лейно "Когда стоят часы" ("Kun kello seisoo"), своеобразный портрет эпохи. Часы на городской балне остановились, дела в народе пошли наизнанку. Поэт верит, что найдется мужчина, который поднимется на башню и пустит ход часов. Но такой человек не находится. И в поэзии Лейно стал звучать вопрос "Когда?" Когда же будет восстановлено истинное время? Рерих на такой вопрос отвечал бы одним словом: "Завтра". "Великов сегодня потускнеет завтра"³⁰, "... завтра будет светло" (34). Как в русском, так и в финском языке слово "завтра" происходит от слова "утро" (huomenella). Ветрия утренних ветров наполняли поэзию молодого Лейно: "Uus tuuli käy, uua huomen huimpoi"³¹ (новый ветер веет, новое утро шумит).

У художника, жаждущего новизны, само собой возникают вопросы: "Кто принесет радостную весть? Кто будет вестником?" У Лейно и Рериха образ вестника часто сливается с образом певца, а музыка, песня становятся вестью. Лейно и Рерих показывают певца не понятым людьми, но не отрывают его от людей. У Лейно в Гимне огню ("Nunni tulelle") певец называет своих слушателей. Это те, кто подобно певцу стремится к возвышенному идеалу. в "Уроках солнца" ("Auringon opetus") Лейно уже не разделяет людей. Поэт убежден, что долг певца отдавать себя всем людям. Певец у Рериха также поет свои песни людям, а не в пустоту: "И всегда какие-то люди томятся у калитки" (92).

Певец у Лейно и Рериха всегда путник. Чувство пути, кото-

³⁰ Рерих Н.К. Письмена. — М.: Современник, 1974, с.30. (В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте. В скобках указываются страницы).

³¹ Leino E. Koottut teokset, I, s. 124.

рое Блок считал главным признаком таланта писателя, было для них очень характерно. Сама лексика, связанная с темой пути, обращает на себя внимание уже в названиях стихотворений. Путь героев Рериха "каменист" и "долг", но он радостен: "... ицти неизвестно куда поправилось нам" (86). Однако во имя чего их долгий путь? Во многих стихотворениях это не определено. И только в стихотворении "Дорога" (1916) Рерих говорит о цели пути: "... до солнца пойти" (67). Чувство пути у Рериха неразрывно связано с чувством вечности. Вечность для Рериха-поэта заключена в непрерывном движении, развитии.

Герой Лейно цель своего пути осознает в более реальных категориях. На блоковский вопрос "Во имя?" Лейно мог бы ответить: "Во имя свободы". "Tie on tehty, määrä pantu, vuori noustava: varaus" ³² (путь проложен, цель поставлена, впереди восхождение: к свободе).

Темпераментный, экспрессивный герой Лейно был срочни самому поэту, жизнь которого состояла из крутых и неожиданных поворотов. И в стихах Лейно идеализировал не покой, а беспокойство. Его герой называл себя "Viiman viena; tuulen tuoma" ³³ (векрем унесенный, ветром принесенный). Для Рериха напротив тишина и покой — непоколебимые ценности. Он называет их радостями духа, вкладывает в понятие покой свой особый смысл: "Тайну покоя я знаю" (56).

Беспокойная дорога героя Лейно часто связана с утратой:

...mitä kodistaan
hän sai sekä unohti matkallaan³⁴

(все, что получил дома, растерял по дороге).

Страстное устремление к новому заставляет поэтов от чего-то отказываться, что-то сознательно или неосознанно забывать. У Рериха в стихотворении "Завтра" путник "под лучами нового солнца" теряет знание, забывает все, "что было накоплено".

³² Leino E. Kootut teokset, II, 283.

³³ Leino E. Elämän koreus.-Helsinki: Otava, 1977, s.13.

³⁴ Leino E. Kootut teokset, II, s. 13.

Но для Лейно и Рериха важно, чтобы их герой не потерял главного — пути.

В 1908 году Лейно пишет стихотворение "Я" ("minä"), которое по праву называют программным в его творчестве.

Kaikki on sinussa: aika,
iäisyys, elämä, luonto.³⁵

(Все в тебе: время, вечность, жизнь, природа). Лейно убежден, что человек, несмотря ни на что, — это венец творения. Осуждая христианскую мораль о жертвенности, пассивности человека перед богом, Лейно обожествляет человека-творца и ставит его выше бога.

Рерих в своем раннем творчестве не мог сказать о человеке так, как говорил Лейно. Напротив он писал о своем герое:

Слух разве подвластен тебе?

Твое зрение бедно (II6).

Рериховский герой нуждается в совете учителя, вестника. И если в поэзии Лейно идеал воплощен в образе земного человека, то у Рериха зачастую идеал вне человека: в природе, в космосе. И все же Рерих хочет, чтобы его герой достиг высот и познания, и нравственности, "...злоба людей неглубока. Думай добрее о них" (II3), — советует он. В этических вопросах Лейно и Рерих глубоко сходились. Их герой — гуманистическая личность с высокой нравственностью и духовностью. Обращение к этике выделяло их среди литераторов-соотечественников начала века. Хотя оба они много писали о красоте, панэстетизм не был определяющим в их мировоззрении.

Стихи Рериха написаны верлибром с сильной тенденцией к равноударности. Рериховский стих — это тип русского верлибра, знакомого нам по пьесе Гюго "Роза и крест". Рериховская поэзия в основном монологична и в этом расходится с поэтическим стилем Лейно. Лейно часто заимствовал из народной поэзии не только размер (он в совершенстве владел калевальским стихом), но и композицию диалогов. Многие его стихи написаны в форме диалога.

³⁵ Leino E. Kootut teokset, II, s. 283.

Стремление Лейно и Рериха возродить давно забытые формы народной культуры — действия, мистерии, где бы сочетались обряды, музыка, драма — привело и обоих в драматургию. С установкой на всенародность писал Лейно пьесу "Sota valosta" (Борьба за свет) и Рерих "Милосердие". Однако театр, задуманный как всенародный, оказался в большой степени элитарным. В своих пьесах Лейно и Рерих были верны принципам "новой драмы", а, точнее, тому ее символистскому направлению, лидером которого называют Метерлинка.

Главный конфликт пьесы Лейно — борьба сил Света с силами Тьмы. Дети Света одержимы одной целью — вернуть людям исчезнувшее солнце. Лейно воплощает в одном герое или добродетель (Вяйнямейнен) или зло (Лоухи). Через эпическую легенду, положенную в основу пьесы, Лейно пытается показать исторические события. В пьесе Рериха примет исторической эпохи нет. Рерих называет "Милосердие" мистерией (жанр религиозного театра средневековья). Центральная проблема пьесы — спасение знания, на которое обрушились темные силы. Знание выступает как глобальный символ. Герои Рериха различаются по порядковым номерам. Только один назван по имени, это Гайятри. Гайятри, как и Вяйнямейнен у Лейно, герой-пророк, он вправе поучать людей. В обеих пьесах победа над силами зла достигается не мечом, а словами главных героев. Если герой Рериха смертоносных сил не дает Бог Солнца, то в пьесе Лейно сам Вяйнямейнен не допускает кровопролитной битвы.

Лейно и Рерих принадлежали к разным языковым культурам, их творчество начиналось от разных истоков. Но вместе с тем их многое родинило: поиск идеала героической личности, этические искания, стремление к синтезу. Лейно и Рерих, познавая сложность времени, оставались оптимистами. О себе они могли сказать словами героя пьесы Лейно "Борьба за свет": "... мы дети света и мы должны служить солнцу..." ³⁶.

В третьей главе исследуются финские эпизоды биографии Рериха, его дружба с финскими деятелями культуры, отклики с

³⁶ Leino E. Kootut teokset, V, s. 237.

нем в финской печати и все, написанное им о Финляндии или в Финляндии.

Имение Извара, где Рерих провел свое детство, находилось в Ингерманландии. Раскопкам финских погребений Ингерманландии Рерих посвятил одну из своих первых книг. В 1896 году состоялась первая встреча Н.К.Рериха с живописью знаменитого финского художника-несромантика А.Галлен-Каллела на выставке Всероссийского искусства в Нижнем Новгороде, а в 1907 г. родственница финского живописца сопроводила Н.К.Рериха в его первой поездке по городам Финляндии. Путешествие 1907 года было плодотворно для Рериха как художника и писателя (ряд картин и этюдов, статьи "Древнейшие финские храмы", "Радость искусству", сказка "Тримр-викинг"). С 1913 г. между Рерихом и А.Галлен-Каллела завязалась оживленная переписка. Наиболее интенсивной она была в "сортавальский период" жизни Н.К.Рериха. "Мы часто думаем о тебе, — писал он своему другу, — потому что вот уже больше года, как мы в Финляндии"³⁷. А.Галлен-Каллела помог Рериху в устройстве персональных выставок в северных странах: в Стокгольме (ноябрь 1918), в Копенгагене (январь 1919), в Хельсинки (март 1919). На выставку Рериха в Хельсинки откликнулись почти все газеты Финляндии: "Дагенс пресс", "Нюа прессен", "Хельсингин саномат", "Карьяла", "Вапаа сана", "Јуден суомен Италехти". В газете "Русская жизнь", издававшейся в Финляндии, появилась статья о Рерихе Леонида Андреева.

Много важного видит Рериху на "великом северном пути" — в Финляндии. А значение финских церквей, считает он, ценно для решения варяжского вопроса. Скептически относясь к летописной фразе о приглашении варягов на Русь, он, однако, полагал, что культура викингов не могла не оставить следа в искусстве, религии, судопроизводстве Руси. В "Древнейших финских храмах" Рерих пишет о скандинавских влияниях и на Финляндию.

³⁷ Рерих Н.К. Письмо А.Галлен-Каллела от 12 июля 1918г. — Архив музея А.Галлен-Каллела (Хельсинки).

Стиль и содержание сказки "Тримр-викинг", созданной в традициях саги, убеждает в том, что Рерих глубоко знал литературное наследие древних скандинавов. В рериховскую сказку "Тримр-викинг" взяты из исландского эпоса имена героев: Олав, Таральд, Каки, персонажи: бог Один, король Эйрик Рикий, географические названия: Гула, Лебедный Мыс. Другие названия хотя и вымышленные, но стилизованы и составлены по образцу названий из саг. Композиционно сказка напоминает "Сагу об Эйрике Рикем". Собственно, сказка Рериха представляет как бы фрагмент саги. Все действие "Тримр-викинга" происходит на пиру. В саге же на пиру начинается развитие одного из сюжетов. В основе композиция пира в рериховской сказке и в "Саге об Эйрике..." 1) описание прихода гостей, 2) сообщение хозяином пира неприятной новости, 3) недоумение гостей. "Тримр-викинг" ориентирован на скандинавскую сагу, но проблема, поставленная Рерихом, не характерна для древней литературы. На материале средневековых источников Рерих пытается разрешить свое сомнение: "Есть ли у человека друзья, когда он счастлив?"

Карело-финский эпос "Калевала" был знаком Рериху. В очерке "Чары Финляндия" он вспоминал: "Когда мы плыли по нездобываемым финским озерам, визывая образы мудрого Вяйнямейнена, Айно и Сампо..., мы чувствовали так ясно, почему Калевала стоит в первом ряду человеческих творений" ³⁸

В прозу и поэзию Рериха Финляндия входила через описание природы. Рериховское восприятие природы Финляндии хотя и восходит к традициям русской классической поэзии (Е. Баратынский, К. Батюшков, Ф. Глинка), порождено мировоззрением эпохи рубежа веков и стоит ближе к поэзии В. Соловьева, А. Блока, В. Бурсова. Не раз бывавшие в Финляндии В. Соловьев, А. Блок, В. Бурсов находили там, с одной стороны, отдых и покой, с другой, изначальную сверхсилу природы, свирепость стихия.

Описывая красоту Финляндии, Рерих имел в виду природу не только этой страны. Север представлялся ему географическим и духовным единством. Это и русский Север, это и Финлян-

³⁸ Рерих Н.К. Держава Света. — Нью-Йорк: Аллатас, 1931, с. 133.

дия, это и Швеция. Рерих трактовал Север как символ (повесть "Пламя"). Север — красота, Север — тайна и в то же время правда, Север — прошлое мира. Все это вместе — Север Рериха.

Рерих показывает природу через историю. Какое место для него "полно минувшего". Именно на древней земле Севера, считает герой повести "Пламя", должны стоять храмы культуры. Пейзаж в "Пламени" таинствен и неоднозначен: "луч солнца", "великие грозы", "сказочные туманы". Повесть автобиографична. Описываемое происходило с Рерихом в действительности. А остров, на котором жил герой — Tuulolansaari. "Пламя" писалось в 1918 году, когда Рерих уже был увлечен индийской философской мыслью. Но своего героя он помещает на Севере. Равнодушию зрителей герой противопоставляет деятельную жизнь художника, теориям искусства — мощь искусства. Мощь искусства, страстность художника вписаны в северную картину с ее контрастными и загадочными красками. Так, Север в повести — не только природа, это символический герой, спасающий художника, дающий ему жизненную силу и утешение.

В стихах Рериха, написанных в Финляндии, и вошедших в сборник "Цветы Мория", человек слит с природой воедино, поступки человека соразмерны с природными явлениями ("Улыбка твоя", "Свет", "Напрасно"). В рериховской поэзии отсутствует экзотика, характерная для его прозаического описания Севера. Природа Финляндии присутствует почти в каждом его стихотворении. Север у Рериха зачастую безмолвен: "Летиди молчат и ветер молчит" (41), "Безответно замерз камень" (50). Но это безмолвие не абсолютно. Лирическому герою рериховских стихов ясен язык Северной природы. Север для него — это не только место, где он живет, это состояние его души. Традиционное противопоставление "солнце — тучи" соответствует у Рериха "радости — печали" ("Бездонно"), Север учит мужеству: ("Не убьют"), учит оптимизму, учит в любых ситуациях видеть надежду ("Веселись").

Действие пьесы "Милосердие" могло происходить где угодно. Но по описанию природы видно, что место действия рери-

ховских героев – Север, Курганы, описываемые в "Милосердии", аналогичны северным могильникам, обряд опускания клада на дно озера характерен для северных народов.

В 20-е – 30-е годы Рерих постоянно вспоминает Финляндию, продолжает переписываться с А. Галлен-Каллела, почтительно отзывается о финском народе, "знающем свое прошлое"³⁹, о финской культуре: "Когда я вспоминаю замечательные музеи искусства, археологии и этнографии, созданные Финляндией, я чувствую, с какой заботой и самосознанием финны собирали свои сокровища. И мы знаем, как глубоки финские корни... Истинно слово культура близко и легко произносимо на финской земле"⁴⁰.

Финляндия осталась не только в картинах и в стихах Рериха, не только в повестях и письмах, но и в его сердце. Лучшие всего свидетельствуют об этом дневниковые записи Рериха: "И живу в Финляндии около двух лет и должен сказать, что встречал для себя и моих близких самое доброе отношение. Многие финляндцы даже говорили мне, что я как художник принадлежу в их глазах одинаково как России, так и Финляндии. Это обращение дает мне как русскому право обратиться от всего сердца с обоюдным пожеланием, чтобы Россия и Финляндия обоюдно подлинно знали друг друга". (Архив Г. Рудзюте. Рига).

В заключении подводятся итоги исследования.

Опыт сопоставительного изучения литературного творчества финских неоромантиков и Рериха как представителя русской культуры рубежа веков подтверждает, что изучение взаимодействия, историко-типологической связи явлений национальных культур правомерно. Постановка такого рода проблем заставляет еще раз задуматься над тем, что художественные явления в истории мировой культуры национально не изолированы, а общечеловечны по своему содержанию. Сопоставительный анализ помогает лучше понять каждое явление, поскольку в ходе иссле-

³⁹ Рерих Н. К. Держава Света, с. 133.

⁴⁰ Там же.

дования выясняется общее и специфическое в каждом явлении.

Выражая своим полском истини общее уmonoстроение времени, финские неоромантики, русские символисты и Рерих сходились в отношении к проблемам синтеза, познания, красоты. Им были присущи "вечные" темы: художника и народа, искусства и жизни, лжи и правды, зла и добра.

Наибольшие различия литераторов проявились в стремлении к народности, в решении проблемы нового героя, в конкретном содержании их оптимизма.

В работе также сделана попытка показать, какое значение имела Финляндия и финская культура в жизни и литературном творчестве Н.К.Рериха. Проведенные под этим углом зрения исследования рериховской прозы и поэзии, найденные в отечественных и зарубежных архивах письма финского периода художника и статьи о нем в финской печати позволяют сделать вывод, что Н.К.Рериху принадлежит большое место в истории финско-русских и русско-финских культурных связей XX века.

В последнее время в финском литературоведении и искусствоведении наблюдается стремление изучать явления финской культуры в интернациональном освещении. В частности, А.Сарааяс пишет, что "только осознав плодотворность перекрестного влияния русских и западных традиций на финскую литературу можно избежать ошибок при ее изучении"⁴¹.

Было время, когда сказывалась национальная узость финской науки в освещении проблем развития литературы, теперь же сами финны пытаются ее преодолеть. Доказательством этому могут служить работы, посвященные русско-финским литературным отношениям, изданные в Финляндии в последние годы. В этом контексте проблема: финская литература и Рерих — имеет общекультурное значение, помогает яснее увидеть развитие как финской, так и русской культуры конца XIX — начала XX века.

⁴¹ Sarajas A. Tunnuskuvia, s.158.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Н.К.Рерих в Карелии.—Север, 1974, №10, с.126—128. (В соавторстве с В.Г.Бондаренко). (0,5 а.л.)
2. Из прозы Н.К.Рериха.—Север, 1976, №5, с.99—100. (В соавторстве с В.Г.Бондаренко). (0,3 а.л.)
3. Скандинавская проблематика в литературно-эстетическом наследии Н.К.Рериха.—Тезисы докладов УИ Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии.—Петрозаводск, 1979, ч.П, с.51—53. (0,2 а.л.)
4. Nicolai Roerich ja Suomi (Николай Рерих и Финляндия; на финском языке).—Punalippu, 1980, №10, с.93—99. (0,6 а.л.)
5. К вопросу о формировании философских взглядов Н.К.Рериха.—Тезисы докладов молодых ученых и специалистов на республиканской научно-теоретической конференции по общественным наукам.—Петрозаводск, 1980, с.44—45. (0,2 а.л.)
6. Переписка Н.К.Рериха с современниками.—Север, 1981, №4, с.107—114. (1,1 а.л.)
7. Н.К.Рерих в Финляндии.—Рериховские чтения.—Новосибирск, 1980, с.308—310. (В соавторстве с В.Г.Бондаренко). (0,25 а.л.)
8. Рерих в финской критике.—Тезисы докладов IX Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии.—Тарту, 1982, ч.П, с.41—43. (0,25 а.л.)
9. On finnish neoromanticism and the literary heritage of N.K.Roerich . (Проблемы финского неоромантизма и литературное наследие Н.К.Рериха; на английском языке).—Suomalais-neuvostoliittolainen itämerensuomalaisen filologian symposiumi. Esitelmien referaatit.—Jyväskylä (Финляндия), 1982, р.143—144. (0,25 а.л.)
10. Эпо Лейно и Н.К.Рерих.—В сб.: Актуальные проблемы общественных наук.—Петрозаводск, 1982, с.88—90. (0,25 а.л.)
11. Статья и комментарии к пьесе Н.К.Рериха "Мелосердие".—Современная драматургия, 1983, №1, с.205—207. (0,3 а.л.)
12. Iäkeä aikansa ystämeen! (Чувствуй эпоху сердцем! на финском языке).—Punalippu, 1983, №5, 119—121. (0,4 а.л.)